

На правах рукописи

Тихомиров Сергей Александрович

**Фольклор современной городской молодежи: аксиологический
аспект**

Специальность: 24.00.01 – «Теория и история культуры»

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание учёной степени
кандидата культурологии

Санкт-Петербург
2009

Работа выполнена на кафедре Теории и истории культуры
ГОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена»

Научный руководитель: Доктор искусствоведения, профессор
МОСОЛОВА Любовь Михайловна

Официальные оппоненты: Доктор философских наук, профессор
АПИНЯН Тамара Антоновна

Доктор филологических наук, профессор
ГОЛОВИН Валентин Вадимович

Ведущая организация: Московский гуманитарный университет

Защита состоится 19 октября 2009 г. в 16 часов на заседании Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.199.23 при Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена по адресу: 197046, г. Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, д. 26, ауд. 317.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена по адресу: 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, корп. 5.

Автореферат разослан 17 сентября 2009 г.

Ученый секретарь Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций, кандидат культурологии, доцент

Е.Н. Шпинарская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Интенсивные процессы урбанизации, изменение социальной, культурной, а также профессиональной стратификации российского общества, расширение сферы действия массовой культуры, вовлекающей в орбиту своего влияния все новые и новые субъекты деятельности, усиление миграционных потоков, формирование глобального информационного пространства – все эти факторы самым радикальным образом изменяют содержание фольклора, его жанрово-видовую структуру и способы бытования. Угасание фольклора в его привычном, крестьянском «варианте» отнюдь не означает исчезновение фольклора как такового: движущей силой современного фольклорного процесса становится город. В силу различных причин, как внешнего, так и внутреннего характера, целенаправленное изучение городского фольклора началось в отечественной науке лишь немногим более 15–20 лет назад, что делает эту область особо привлекательной для специалистов различного профиля.

Начавшееся введение в науку обширного пласта «неклассических», «маргинальных» фольклорных материалов вызвало дисциплинарный кризис в фольклористике, длительное время оперировавшей категориями «устное», «народное» (в смысле крестьянское), «художественное», проблематизировав практически все ее основополагающие термины (включая центральный – «фольклор»), вновь поставив перед исследователями необходимость уточнять предмет, границы, методы и категории данной науки. Процесс теоретико-методологического «брожения» в фольклористике еще только набирает обороты, а большинство исследований, направленных на постижение реалий современного фольклорного процесса не столько решает возникшие проблемы, сколько намечает контуры возможных решений. Ситуация осложняется разделением специалистов на два сообщества – «классиков» и «реформаторов», которые не учитывают в достаточной степени потенциал друг друга, а также практически полным отсутствием фундаментальных трудов по фольклору, проливающих свет на специфику современной ситуации и предлагающих адекватный методологический аппарат для дальнейших научных изысканий.

В современном городском фольклоре, в отличие от крестьянского, преобладает дифференциация не по региональному, но по возрастному, половому, профессиональному и иным признакам. Учитывая тот факт, что молодежи принадлежит одна из ведущих ролей в его становлении и развитии, перспективным представляется анализ того сегмента городского фольклора, носителями которого являются представители данной социально-демографической группы.

Исследователи, чья научная деятельность так или иначе связана с изучением фольклора горожан, нередко отмечают наличие в нем аксиологической составляющей, однако конкретизации и дальнейшей детальной разработке эта составляющая, как правило, не подвергается.

Обращение специалистов к ценностям, «овеществленным» в фольклоре городской молодежи, позволяет глубже постичь существенные характеристики данной социально-демографической группы, выявить то, что для нее является ценностно-смысловыми доминантами, понять реакции молодых горожан, сопровождающие потребление той или иной продукции массовой культуры. Молодежный фольклор в таком случае выступает как форма объективации отношений между молодыми индивидами, индивидуального и группового сознания, воспринимаемых и осмысляемых пространственно-временных параметров окружающего мира, его предметного и событийного наполнения.

Примечательно, что работая напрямую с текстами городского фольклора, бытующими в молодежной среде, созданными самими молодыми для собственного же пользования, мы минимизируем возмущающее воздействие исследователя на среду, которое, к примеру, может иметь место в социологических опросах, когда специалист невольно программирует ответы респондентов.

Анализ фольклорных материалов с аксиологических позиций призван уточнить уже имеющиеся в науке исследования ценностей молодежи, сделав существующую картину более полной. Качественный анализ фольклорных текстов как специфических «человеческих документов» позволяет дополнить исследовательский взгляд «извне» аутентичным взглядом «изнутри» и подметить тенденции, не фиксируемые посредством количественных методов.

Представляется, что ставшие традиционными для отечественной науки «общие места» (констатация кризисности российского общества, находящегося в состоянии ценностного вакуума, вызванного разрушением «исконно русских», «коллективных» ценностей и экспансией ценностей «западных», «индивидуалистских»; огульные обвинения молодого поколения в безнравственности, аполитичности, отсутствии патриотизма, себялюбии, меркантилизме, презрении к труду и т.д.; характеристики молодежи как «потерянного поколения», зараженного бактериями индивидуализма и бездумно поглощающего продукцию массовой культуры и пр.) должны быть подвергнуты анализу на предмет соответствия реальному положению дел. Сложность и многогранность изучаемой проблемы, отсутствие простых причинно-следственных связей, неоднородность молодежи как социально-демографической группы позволяет усомниться в правомерности использования подобных «штампов».

Объект исследования – фольклор современной молодежи, проживающей в наиболее крупных городах России.

Предмет исследования – ценностно-смысловые доминанты фольклора данной социально-демографической группы.

Цель диссертационной работы – реконструкция мира ценностей молодых горожан в пространственно-временной системе координат на основе анализа продуцируемых и воспроизводимых в молодежной культуре фольклорных материалов.

В соответствии с заявленной целью были поставлены следующие задачи:

- осмыслить теоретико-методологическое наследие в рамках таких проблемных полей гуманитарного знания, как «современный городской фольклор», «молодежь», «ценность»;
- провести гибкую в операциональном отношении демаркационную линию между понятиями «фольклор» и «фольклорная (народная) культура»;
- обосновать использование в научном лексиконе понятий «сетевой способ бытования фольклора», «негативная фольклоризация», «позитивная фольклоризация», а также их содержание;
- определить место молодежных субкультур в системе городской культуры;
- разработать классификацию устойчивых функций фольклора современной городской молодежи;
- сравнить выявленные в ходе работы ценности молодежи с результатами социологических исследований, посвященных аксиологической проблематике;
- уточнить и конкретизировать существующие в отечественной науке представления о взаимосвязи фольклорной (народной) и массовой культуры в урбанистической среде;
- показать роль культурологии как инструмента интеграции и интерпретации данных, получаемых различными отраслями гуманитарного знания на примере исследуемой проблемы.

Рабочая гипотеза исследования основана на том, что обращаясь к фольклорным материалам, существующим в телекоммуникационных сетях, мы имеем дело не с деградацией фольклора и не с отдельным его типом (наряду с крестьянским и городским), но со специфическим сетевым способом бытования фольклора, равноправным по отношению к устному и письменному. Существующий в современной России цифровой разрыв между городом и деревней обуславливает понимание сетевого способа бытования как присущего именно городскому фольклору, хотя, как представляется, ситуация с течением времени будет меняться. Так как городская молодежь является ведущей силой в становлении сетевого способа бытования городского фольклора, а одной из важнейших и устойчивых функций последнего является аксиологическая, то перспективным и научно обоснованным будет исследование ценностей упомянутой социально-демографической группы на основе анализа продуцируемых и воспроизводимых ею в телекоммуникационных сетях фольклорных материалов. Подобный подход позволит существенно обогатить «ценностный портрет» молодых горожан, создаваемый социологами, а также поможет избежать катастрофической риторики, получившей в последнее время широкое распространение в отечественной науке.

Степень разработанности проблемы. Исследование располагается на пересечении трех проблемных полей, которые условно можно обозначить как «фольклор», «молодежь», «ценность», а потому своеобразный каркас

нашей работы составляют труды соответствующей тематики как отечественных, так и зарубежных авторов. Обращение к Интернету как к основной сфере, в которой осуществлялся сбор эмпирического материала, потребовало привлечения монографий и статей, в которых с позиций гуманитарных наук осмысливается специфика телекоммуникационных сетей. По этим же соображениям понятие современности в нашем исследовании хронологически ограничено последним десятилетием (1999 год – начало нового этапа развития сети Интернет в России, связанного с активным формированием различных сервисов и ресурсов¹), что диктует необходимость обращения к публикациям, посвященным характеристике социокультурной ситуации в стране за этот период. Недостаточная разработанность заявленной проблематики в отечественной науке обусловила тот факт, что значительный удельный вес в библиографическом списке составляют не монографии, а статьи разных авторов, рассредоточенные по сборникам научных трудов и научным журналам.

Использованные в ходе исследования научные труды можно сгруппировать в следующие блоки:

➤ работы по общим вопросам изучения фольклора и народной культуры (Адоньева С.Б., Азбелев С.Н., Аникин В.П., Белякова С.М., Байбурин А.К., Богатырев П.Г., Богданов К.А., Гусев В.Е., Дандес А., Дорсон Р.М., Иванова Т.Г., Каргин А.С., Калущков В.Н., Костина А.В., Котельникова Н.Е., Малиновский Б., Неклюдов С.Ю., Поздеев В.А., Путилов Б.Н., Рэдклифф-Браун А.Р., Толстой Н.И., Щепанская Т.Б. и др.);

➤ работы, посвященные современным формам фольклора и специфике современного фольклорного процесса (Ахметова М.В., Белоусов А.Ф., Борисов С.Б., Бородин П.А., Головин В.В., Девкин В.Д., Дмитриев А.В., Елистратов В.С., Ефимова Е.С., Кожевников А.Ю., Клубков П.А., Лурье М.Л., Мокиенко В.М., Панченко А.А., Разумова И.А., Шмелевы А.Д. и Е.Я., Шумов К.Э., Утехин И.В. и др.);

➤ работы, посвященные исследованию молодежи и молодежных субкультур (Алексеевский М.Д., Блюдина У., Вишневский Ю.Р., Голод С.И., Громов Д.В., Зубок Ю.А., Иваненков С.П., Иконникова С.Н., Ильинский И.М., Курленя К.М., Левада Ю.А., Левикова С.И., Лисовский В.Т., Омельченко Е.Л., Петрова Т.Э., Пилкингтон Х., Хебдидж Д., Цаплина С.П., Чупров В.И., Шкаев Д.Г., Щеглова С.Н. и др.)

➤ работы, в которых разрабатывается аксиологическая проблематика (Бранский В.П., Вебер М., Вольф Е.М., Дюркгейм Э., Докучаев И.И., Инглхарт Р., Лапин Н.Н., Каган М.С., Парсонс Т., Пожарский С.Д., Рассадина Т.А., Рокич М., Столович Л.Н., Сурина И.А. и др.);

➤ работы посвященные осмыслению коммуникации и творческой активности индивидов в телекоммуникационных сетях (Алексеева И.Ю.,

¹ Чугунов А.В. Российская интернет-аудитория в зеркале социологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – С.5.

Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Бондаренко С.В., Войскунский А.Е., Гладарев Б., Костерина И., Рейнгольд Г., Розин В.М., Черных А., Чугунов А.В. и др.);

➤ работы, посвященные осмыслению и характеристике современной социокультурной ситуации (Биричевская О.Ю., Горалик Л., Гудков Л., Дондурей Д., Дубин Б.В., Дуков Е.В., Есаков В.А., Захаров А.В., Зверева В., Карпова Г.Г., Костина А.В., Левинсон А., Найдорф М.И., Николаева Е.В., Пензин А., Сальникова Е.В., Тощенко Ж.Т., Хапаева Д., Черч-Гибсон П., Шапинская Е.И. и др.);

➤ работы общекультурологического характера (Апинян Т.А., Бауман З., Запесоцкий А.С., Иконникова С.Н., Каган М.С., Конев В.А., Кузнецова Т.Ф., Моль А., Мосолова Л.М., Солонин Ю.М., Уваров М.С., Флиер А.Я., Хренов Н.А., Шор Ю.М. и др.).

Серьезным подспорьем в ходе исследования стала работа с отечественной «интеллектуальной периодикой», среди которой следует выделить такие журналы, как «Вопросы культурологии», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Неприкосновенный запас», «Новое литературное обозрение», «Отечественные записки», «Социологические исследования», «Теория моды».

Положения, выносимые на защиту

I. Развитие телекоммуникационных технологий обусловило становление нового способа бытования фольклора – сетевого, существующего на равных правах с устным и письменным.

II. Молодежные субкультуры – феномены, возникающие, когда осуществление социализации индивидов по каким-либо причинам оказывается невозможным посредством официальных институтов (семья, учебные заведения и др.), когда легитимные каналы вхождения молодых людей в культуру оказываются полностью или частично заблокированными. Будучи официально несанкционированными и создаваемыми молодыми людьми как непрофессионалами для своего «внутреннего пользования», субкультуры могут быть охарактеризованы как элементы фольклорной культуры.

III. Фольклор городской молодежи обладает следующим набором устойчивых функций: психологической, развлекательной, дидактической, коммуникативной, информативной, социальной, магической, эстетической и аксиологической. Аксиологическая функция выступает как связующее звено системы функций в целом, благодаря чему фольклор городской молодежи является обширным смыслогенерирующим и смыслотранслирующим комплексом.

IV. В среде молодых горожан формируются специфические способы освоения урбанистического пространства, складывается особая система топофилии – топофобии. Семья для молодежи выступает в качестве исходной точки, откуда начинается как осмысление пространства («своя комната», дом), так и осмысление стрелы времени (значимого прошлого и предвосхищаемого будущего). Деформации семейных отношений в современной городской культуре (дефицит общения, возникновение

феномена «двойной независимости» у молодежи) компенсируется расширением смыслового наполнения понятия «семья» для молодых горожан, а также усилением значимости генеалогического знания. Противопоставление «насыщенного» и «пустого» в событийном плане времени – центральная оппозиция в его аксиологическом восприятии городской молодежью, в значительной степени центрирующая отношение к суточному (утро/день – вечер/ночь) и недельному (выходные/будни) циклам.

V. Совпадение ценностей, опредмеченных в продукции массовой культуры с ценностями той группы молодежи, которой она адресована, рождает процесс позитивной фольклоризации, в то время как аксиологический диссонанс запускает механизм негативной фольклоризации. Позитивная и негативная фольклоризация есть способы закрепления или отторжения ценностей; сам же молодежный фольклор в значительной степени представляет собой реакцию на потребление продукции массовой культуры.

VI. Массовая культура прививает молодежи ценности дифференциации (продвинутой, модности, индивидуальности и т.д.), что компенсируется высоким «удельным весом» ценностей интеграции («идея семейная», любовь, «своя тусовка») в культуре фольклорной. При этом в ситуации устранения и самоустранения большинства социокультурных институтов от решения проблем молодых горожан, интеграционные процессы в молодежной среде протекают стихийно и разнонаправленно, порой принимая причудливые и уродливые формы. Ключом к решению проблемы должно стать создание многоступенчатой системы, нацеленной на формирование у молодежи навыков навигации в современном социокультурном пространстве, усиление и реактуализация официально санкционированных каналов, обеспечивающих интеграцию в молодежной среде.

Научная новизна работы заключается в следующем:

➤ Аксиологическая составляющая фольклора современной городской молодежи впервые становится предметом специального культурологического исследования, базирующегося на обобщении итоговых данных различных наук (фольклористики, социологии, психологии и др.);

➤ Реконструкция мира ценностей молодых горожан в пространственно-временной системе координат является новым подходом, основанном на качественном анализе «человеческих документов» (фольклорных произведений). «Аксиологическое картографирование», обусловленное децентрализованностью молодежных субкультур, тусовок, взаимодействий индивидов в телекоммуникационных сетях, позволило обнаружить ценностные доминанты в сознании молодежи, не фиксируемые ранее наукой;

➤ Доказывается, что значительную роль для молодых горожан играет не только процесс принятия, но и отторжения каких-либо ценностей, на основании чего в молодежном фольклоре складываются образы символического врага, посредством дистанцирования от которого юноши и девушки конструируют собственную идентичность;

➤ В научный оборот вводится ряд новых понятий («сетевой способ бытования фольклора», «позитивная фольклоризация», «негативная фольклоризация»), отражающих глубинные трансформации, произошедшие в фольклоре, выделяются устойчивые функции фольклора городской молодежи, определяется положение молодежных субкультур по отношению к системе городской культуры, обосновывается взаимодополнительность фольклорной и массовой культуры;

➤ Раскрываются и обосновываются пути сотрудничества фольклористики, описывающей и интерпретирующей фольклор, и культурологии, выстраивающей теорию фольклора как пласта культуры;

➤ В рамках единой культурологической концепции обработано и систематизировано значительное количество разрозненных источниковых материалов, введен большой фактологический материал, отражающий современное состояние не только мира ценностей молодых людей, но и крупного сегмента городского фольклора в целом.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Сложность и многогранность изучаемой проблемы, а также высокий эвристический потенциал самого термина «фольклор», обуславливают необходимость проведения интегративного междисциплинарного исследования, сочетающего в себе достижения фольклористики, культурологии, культурной географии, социологии, психологии, что позволяет наиболее полно и объективно интерпретировать фольклор современной городской молодежи (в том числе и бытующий в телекоммуникационных сетях). Подобная установка представляется оправданной в ситуации современного усиления взаимодействия различных дисциплин, при этом не отрицающего специализации отдельных наук, активного приращения знания в стыковых областях и пограничных сферах (Л.М. Мосолова).

Принципиально важным в методологическом отношении для нашего исследования является понятие «фольклорных маргиналий», предложенное К.А. Богдановым для обозначения явлений, которые могут и не являться фольклорными по происхождению, однако обнаруживают соответствующую феноменологию, а потому их исследование не исключает фольклористического анализа.

Теоретико-методологической базой исследования является системный подход (М.С. Каган), опирающийся на структурно-функциональный метод (П.Г. Богатырев, Б. Малиновский, А.Р. Рэдклифф-Браун, Б.Н. Путилов), контекстуальный подход (И.А. Разумова), позволяющий рассматривать отдельные фольклорные произведения с учетом тех или иных социальных и культурных практик, характерных для молодых горожан, а также ситуации воспроизведения фольклорных текстов и возникновения ответных реакций на них со стороны сообщества, теорию субкультур как способ описания многомерного культурного пространства современного города, социопрагматический анализ (Т.Б. Щепанская).

Постижение специалистом фольклора той группы, к которой он принадлежит сам, запускает процесс субъективации стратегий научной

деятельности, вследствие чего в исследовании использовались методы включенного наблюдения, беседы, самоописания, а также герменевтический метод.

Исследование ограничено анализом фольклорных материалов продуцируемых и транслируемых молодежью, проживающей в наиболее крупных российских городах (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Самара и ряде других). Данный момент принципиально важен, так как мир ценностей этих молодых людей будет существенно отличаться от мира ценностей их сверстников, проживающих в малых городах России и, тем более, в сельской местности. Наши информанты – получающие или уже получившие образование молодые люди. Они имеют определенный опыт работы, обладают стабильным доступом к телекоммуникационным сетям (Интернет, мобильная связь), являются активными пользователями данных сетей. Это своего рода будущая элита российского общества. Кроме того, они являются и весьма активными потребителями разнообразной массовой культуры, что важно для раскрытия характера взаимосвязи массовой культуры и культуры фольклорной.

Работа с материалами, бытующими в телекоммуникационных сетях сопряжена с такими трудностями, как фрагментарность данных, которые пользователи оставляют о себе, сложность их верификации, анонимность коммуникации. Учитывая эти обстоятельства, основной сферой для сбора полевого материала стала виртуальная социальная сеть «В контакте». Это коммуникативная площадка, где сообщение участниками достоверных данных о себе является непременным условием регистрации, а внутренняя политика администрации ресурса направлена в том числе и на соблюдение указанного требования.

Внимание к данным, которые молодой пользователь оставляет о себе, позволяет, во-первых, отбирать те фольклорные материалы, которые создаются и воспроизводятся непосредственно в молодежной среде, а, во-вторых, использовать их для решения вопросов, ответы на которые невозможно получить исходя из работы с одними лишь текстами.

Соответственно, фиксация фольклорных материалов в ходе исследования осуществлялась с непременным учетом степени достоверности информации, в том числе и по косвенным признакам. Материалы от пользователей, указавших о себе не соответствующую действительности информацию, не рассматривались.

Для усиления репрезентативности полевого материала в работе были использованы тексты граффити, зафиксированные в публичных пространствах Санкт-Петербурга и материалы, полученные в ходе бесед со студентами факультетов коррекционной педагогики, математики, философии человека РГПУ им. А.И. Герцена.

Теоретическая значимость исследования. Результаты проведенного исследования являются научным вкладом в разработку аксиологической проблематики современной молодежной культуры, в развитие теории фольклора, способствуют более глубокому пониманию особенностей

фольклорного процесса, взаимодействия между отдельными фольклорными формами и продукцией массовой культуры, в том числе и в ценностном аспекте. Теоретические выводы исследования могут быть применены в прогностике и проектировании развития современной культуры, особенно тех ее сегментов, которые связаны с молодежью.

Практическая значимость исследования. Результаты работы могут быть использованы при чтении курсов по философии культуры, теории культуры, социологии молодежи, фольклористике, в процессе подготовки студентов к выездной фольклорной практике, а также в воспитании молодежи в целом. Результаты предпринятого исследования могут оказаться полезны и в сфере гуманитарных технологий молодежной политики, так как позволяют выявить ряд проблемных зон в процессах социализации и инкультурации молодых горожан.

Апробация результатов работы. Основные положения работы были использованы при чтении лекций по основам экранной культуры, а также при проведении семинарских занятий по культурологии. Итоги исследования апробировались в ходе подготовки вариативного образовательного модуля «Молодежная культура в профессиональной деятельности современного преподавателя высшей школы» в рамках программы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вузов, подведомственных Рособразованию.

Результаты исследования представлены в виде докладов на Втором Российском культурологическом конгрессе «Культурное многообразие: от прошлого к будущему» (25-29 ноября 2008 г., СПб.); II Международной научно-практической конференции «Молодежь и наука: реальность и будущее» (3 марта 2009 г., Невинномысск); Научно-практическом семинаре в рамках Третьего Собрания Научно-образовательного культурологического общества «Современная молодежь в зеркале культурологических исследований и проблемы ее идентичности» (23 апреля 2009 г., СПб.); VII Международном Форуме «Петербургская весна культуры» (22-23 мая 2009 г., СПб.); XVI Международной научной конференции «Славянская традиционная культура и современный мир» 26-28 мая 2009, Москва).

Настоящая диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на кафедре теории и истории культуры РГПУ им. А.И. Герцена.

Структура и объём диссертации. Структура диссертационной работы определяется поставленными целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, семи параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений. Общий объём исследования составляет 294 стр., включая библиографический список и приложения – 410 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность заявленной темы, оценивается степень её научной разработанности, определяются объект и предмет, цель и задачи, теоретико-методологическая база исследования, выдвигается рабочая гипотеза, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, освещаются результаты апробации диссертационной работы.

Первая глава – «Теоретико-методологические основания изучения аксиологических аспектов фольклора современной городской молодежи» – включает четыре параграфа.

§ 1.1 «Современный городской фольклор: концептуализация понятий». Параграф открывается характеристикой современного состояния фольклористики, дисциплинарный кризис в которой, обусловленный открытием реальности городского фольклора, привел к формированию внутри научного сообщества двух групп – «классиков» и «модернизаторов» (П.А. Бородин), чьи теоретические воззрения на фольклор существенно различаются.

Приверженцы «классического» подхода понимают под фольклором народное «художественное творчество в рамках устного слова»², вычлняя его из более общей сферы народной культуры, отстаивают принцип методологической «чистоты» в изучении фольклора, склонны трактовать фольклорные жанры как долговечные и самостоятельные по отношению к историческим периодам образования, придерживаются понимания фольклористики в качестве филологической науки, близкой литературоведению.

«Реформаторы» понимают фольклор более широко, вовлекая в «предметное поле фольклористики ... “этнографическую” часть современной городской культуры»³, определяют его как конкретно-исторический феномен, по-разному живущий на той или иной стадии человеческого развития, выступают за междисциплинарный характер исследований, активно интересуются «маргинальными» явлениями и формами, не замеченными ранее наукой.

В зависимости от содержания, которое вкладывается в термин «фольклор», реконфигурируется «рисунок наук», обращенных к его изучению. Отмечается, что тенденция к расширению содержания данного термина не может быть безграничной. В параграфе предлагается понимать под фольклором вербальные формы народного творчества, изучение которых не исключает обращения специалиста к невербальным составляющим «семиотических ансамблей» (С.Ю. Неклюдов), в которые они интегрированы. Невербальные элементы должны изучаться фольклористами

² Аникин В.П. Теория фольклора: Курс лекций. – 2-е изд., доп. – М.: КДУ, 2004. – С. 8.

³ Неклюдов С.Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 13.

при условии, что они получают актуализацию в словесных формах, «обволакиваются» вербальным. Заявленный подход позволяет *операционально* привлекать к исследованию различные составляющие фольклорной (народной) культуры.

Отмечается, что на сегодняшний день в изучении фольклора широко востребованы методы таких наук, как семиотика и культурология.

Интерес к культурологии обуславливается следующими причинами. Во-первых, в фольклористике продолжает сохраняться установка на бесконечное и порой бессмысленное собирание текстов, которое не сопровождается их осмыслением и интерпретацией. Во-вторых, открытие реальности городского фольклора привело к смещению акцентов в науке с объяснительной модели на модель описательную (А.К. Байбурин). В-третьих, увеличивается количество серьезных и глубоких исследований, обращенных при этом к узким фрагментам фольклорной реальности, вследствие чего утрачивается способность постигать фольклор как целое.

Обращение к культурологии может стать плодотворным для преодоления существующего разрыва между частным и целым через выдвигание ею обобщающего звена (например, ценностно-смыслового), сводящего воедино разрозненные знания о фольклоре. Культурология обладает потенциалом для того, чтобы выступать в качестве науки-интерпретатора и системного интегратора, работая со специализированным знанием, добываемым фольклористикой, обеспечивая целостность и системность изучения фольклора, мыслимого в многообразии исторически формирующихся связей с другими элементами культуры.

Фольклористика предоставляет исследователю ряд ключевых вопросов изучения современного городского фольклора (жанрово-видовая структура, носители и т.д.), а также инструментарий для его сбора, фиксации и анализа; культурология же «делегирует» специалисту «метаметодологию», необходимую для постижения наиболее общих вопросов, связанных с бытованием и функционированием данного феномена культуры, обеспечивает возможность построения теоретико-методологических обобщений, адекватных современному уровню развития культуры.

Понимание фольклора как живого феномена современной культуры, существенным образом трансформировало представление о том «поле», в котором может работать исследователь. Вводимое в параграфе понятие *«сетевой способ бытования фольклора»* является одним из теоретических итогов продолжающейся в отечественной науке дискуссии об онтологическом статусе материалов, существующих в телекоммуникационных сетях. К сетевому способу бытования фольклора следует отнести все соответствующие материалы, которые циркулируют посредством телекоммуникационных сетей, образующих единое антропологическое, техническое, языковое и коммуникативное пространство.

Первостепенное значение вводимого понятия состоит в более глубоком и полном понимании особенностей современного фольклорного процесса, легитимации столь часто встречающегося в трудах специалистов обращения

к телекоммуникационным сетям (чаще всего – Интернету) как источнику фольклорных текстов.

§ 1.2 «Молодежь как предмет культурологической рефлексии».

Второй параграф предваряется краткой историей открытия отечественной наукой большого коллективного субъекта фольклорного творчества – молодежи. Указываются факторы, позволяющие специалистам определять принадлежность индивидов к данной социально-демографической группе, признается неоднородность молодежи и создаваемой ею культуры. Подчеркивается, что учитывать последнее обстоятельство позволяет *теория субкультур* как «один из способов описания культурной дифференциации современного города»⁴.

Молодежные субкультуры характеризуются как феномены, возникающие, когда осуществление социализации индивидов по каким-либо причинам оказывается невозможным через официальные институты (семья, учебные заведения и т.д.), когда легитимные каналы вхождения молодого человека в культуру оказываются полностью или частично блокированными. Субкультуры представлены как образования с мощной компенсаторной функцией, порожденные самой культурой как самоорганизующейся системой, позволяющие направить процессы социализации и инкультурации молодых горожан альтернативными путями. В соответствии с этим городская молодежь в самом общем виде может быть разделена на «нормальную» и «субкультурную».

Степень участия (или характер членства) индивида в субкультурных сообществах различна: от постоянного, функционального до случайного, событийного. На основании данных социологических исследований конкретизируются и в значительной степени углубляются существующие в отечественной науке представления об основных каналах продуцирования субкультурной молодежи, среди которых – *семья, учебные заведения, безработица и частичная занятость* (С.И. Левикова).

В параграфе подчеркивается, что не любое молодежное сообщество образует собственную субкультуру, обосновывается неправомочность отождествления молодежной субкультуры с ее социальным субстратом. Акцентируется внимание на необходимости различения понятий «*молодежная субкультура*» и «*культура для молодых*» (С.И. Левикова).

Если официально несанкционированная молодежная субкультура производится самой молодежью для внутреннего пользования, то «культура для молодых», представляющая собой «легитимный» для конкретного социума сегмент массовой культуры, производится специалистами-взрослыми и рассчитана на охват максимально широкой аудитории молодых потребителей. «Нормальная» молодежь конструирует свое «я» через потребление продукции «культуры для молодых» как выбор и присвоение уже готовых смыслов. Субкультурная молодежь на основании аналогичного

⁴ Ефимова Е. Современная субкультура как «маргинальная» устная культура // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 4. – С. 101.

потребления осуществляет процесс активного и целенаправленного генерирования новых смыслов, действуя как бриколер (Д. Хебдидж).

Потребление в любом случае рождает ответную реакцию со стороны индивида, которая может быть понята как проявление его креативных интенций. В ситуации с «нормальной» молодежью этот процесс носит спонтанный, неустойчивый и разнонаправленный характер, в то время как субкультурная молодежь занята «программным» порождением новых коллективных смыслов и значений на основе потребления.

На основании выдвинутых теоретических предпосылок предпринимается попытка зафиксировать «местонахождение» молодежных субкультур в системе городской культуры. Молодежные субкультуры трактуются как элементы фольклорной культуры. Последняя является сферой активного смыслопорождения («*зоной роста*»), в этом отношении сближаясь с культурой элитарной. Срединный элемент в системе городской культуры – массовая культура – напротив, представляет собой сферу устойчивых смыслов и значений («*зону стабильности*»). Инновации, сформировавшиеся в «зонах роста» активно стягиваются в «зону стабильности», где происходит их усвоение и инкорпорирование в доминантное поле смыслов культуры.

Массовая культура, дифференцированная на «*культуру для детей*», «*культуру для молодых*» и «*культуру для взрослых*», обнаруживает гипертрофированное разрастание своего «срединного» сегмента. «Культура для молодых» начинает переориентировать на себя «культуру для детей» и «культуру для взрослых». Следствиями указанной тенденции становится элиминация детства и появление т.н. «*кидалтов*» (от англ. «*kidult*») – взрослых, являющихся активными потребителями культуры для молодых.

В целом, сквозь текст параграфа проходит идея, что процесс социализации и инкультурации молодых горожан – сложнейшая конфигурация сценариев развития, меняющаяся во времени, балансирующая между официально санкционированным и несанкционированным.

§ 1.3 «Феномен «ценности»: основные подходы к изучению».

Третий параграф представляет собой концептуальную обрисовку основных подходов к изучению ценности, исходящую из «современного уровня познавательной деятельности, из характерной для него парадигмы»⁵. Существующее многообразие трактовок понятия «ценность» обусловлено, во-первых, различиями мировоззренческих позиций специалистов относительно онтологического статуса данного феномена (*противоборство взглядов*), а во-вторых – интересом к аксиологической проблематике со стороны отдельных наук, каждая из которых рассматривает ценность под специфическим углом, что непосредственным образом отражается на увеличении количества дефиниций (*комплиментарность взглядов*).

Логика параграфа выстроена в соответствии с иерархическим расположением различных уровней знания, обращенных к постижению аксиологической проблематики. Наиболее высоким уровнем обобщений

⁵ Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – С. 45.

является уровень философского знания. Ниже расположен уровень, занимаемый социологией, психологией и культурологией – научными дисциплинами, обладающими ресурсами для системного и целостного представления содержания таких фундаментальных блоков, как «общество и ценности», «личность и ценности», «культура и ценности». Третий уровень составляют науки, в «ведомстве» которых находится преломление аксиологической проблематики в отдельных сегментах указанных блоков – фольклористика, этнография, лингвистика, искусствоведение, педагогика и т.д.

В качестве рабочего определения ценности в соответствии с аксиологической концепцией М.С. Кагана предлагается следующее: *ценность – отношение субъекта (S) к объекту (O), в котором S и O являются переменными, но при этом значение объекта для субъекта всегда существует только в рамках субъектности последнего, становясь при этом смыслом.*

В параграфе подчеркивается диспозиционность субъекта и объекта ценностного отношения, обуславливающая сложнейшее строение аксиосферы, разграничиваются понятия «ценность», «польза», «норма», «истина», «идеал», обозначается двусоставность ценностного отношения как имеющего форму и содержание, отмечается историческая изменчивость аксиосферы и наличие динамики ценностных отношений в процессе развития отдельной личности. Теоретические положения подкрепляются примерами из фольклора городской молодежи.

Далее отмечается, что общий вектор интереса *социологии* в изучении ценностей направлен от индивида к обществу и от общества к индивиду, сфокусирован на проблемах интеграции/дезинтеграции социума на основе определенных ценностей, целостного социального поведения индивидов, включенных в общественную систему, в контексте постановки им жизненных целей и средств их достижения.

В свою очередь, аксиологическая проблематика в *психологии* рассматривается сквозь призму свойств личности, где ценности трактуются как сложная система, расположенная на пересечении мотивационной сферы, сферы потребностей, а также структур сознания, отвечающих за выработку картины мира.

Культурологию же интересуют процессы опредмечивания ценностей в культуре, сохранение, трансляция и разрушение систем ценностей. Особую актуальность аксиологическая проблематика в культурологии приобретает в связи с усилением взаимодействия различных культур, диктуется потребностью многоаспектного изучения трансформаций, произошедших в России на рубеже XX – XXI вв., обуславливается мощными процессами дифференциации городского социокультурного пространства, заставляющими исследователей обращать взоры к ценностям субкультур.

Эти науки, имеющие мощный интегративный потенциал, способны «стягивать» сведения более частного характера, добываемые узкоспециализированными дисциплинами, также не чужды обращения к

аксиологической проблематике, порождая «поле» междисциплинарного синтеза.

В параграфе предлагается заменить построение иерархии ценностей молодых горожан на аксиологическое «картографирование» – нанесение на плоскость, образованную пространственной и временной осями, точек, выступающих в качестве основных ценностно-смысловых доминант в сознании молодежи. Уточняется, что речь идет о не о физическом, но *социальном и культурном пространстве – времени*.

Аксиологическая реконструкция в системе социокультурных пространственных и временных координат позволяет рассматривать ценности в их конкретном преломлении в сознании молодежи. Предложенная модель позволяет также учитывать трансформации аксиосферы отечественной культуры, произошедшие в конце XX – начале XXI вв.

§ 1.4 «Функции фольклора современной городской молодежи»

В четвертом параграфе ставится задача сопряжения проблемных плоскостей («современный городской фольклор», «молодежь», «ценности»), на пересечении которых располагается настоящее исследование. Отмечается, что выявление стабильных функций молодежного фольклора существенно углубляет знание о нем с позиций *системного подхода*, позволяет уяснить его внешне- и внутрисистемные связи, а также значение, которое фольклор имеет для каждого своего носителя.

В параграфе анализируются подходы к определению функции А.Р. Рэдклифф-Брауна, Б. Малиновского, П.Г. Богатырева, В.Е. Гусева, Б.Н. Путилова. В качестве рабочей используется дефиниция функций фольклора как сложной системы «динамических взаимобратимых ... связей»⁶, имеющей внутренний (жанровые, сюжетные, стилевые, образные связи) и внешний (связи с лежащими вовне системами и явлениями – социальными, культурными, историческими, бытовыми) круг. Подчеркивается, что исследование функций может осуществляться на нескольких уровнях: фольклора в целом, отдельного жанра, конкретного текста.

Отмечается, что функции фольклора существуют не только в тесной взаимосвязи друг с другом, но и нередко образуют «пучки», когда общая функция «ветвится» на ряд более узких, «специализированных», указывается возможность различения доминирующей и вспомогательных функций.

Концептуальная модель Б. Малиновского, согласно которой существует связь между человеческими потребностями, как биологическими, так и культурными, и различными элементами культуры, призванными их удовлетворить, является основанием для выявления стабильных функций фольклора городской молодежи. Функции фольклора современной городской молодежи и городского фольклора являются *изоморфными* по отношению друг к другу.

С опорой на эмпирические и теоретические данные в параграфе

⁶ Гусев В.Е. Русская народная художественная культура (теоретические очерки). – СПб., 1993. – С. 97.

выделяются стабильные функции фольклора современной городской молодежи: психологическая, развлекательная, дидактическая, коммуникативная, информативная, социальная, магическая, эстетическая и аксиологическая.

Психологическая функция связана с преодолением молодежью последствий травмирующих ситуаций, снятием экзистенциального беспокойства, опредмечиванием тем, которые не «проговариваются» официально санкционированными средствами массовой культуры.

Развлекательная функция сопряжена с избеганием молодыми горожанами любых шаблонов, уступающих место вольным переосмыслениям, озорству, каламбурам, стебу, изощренному пародированию. В ходе порождения или актуализации подобного рода текстов («антипословиц», реинтерпретированных аббревиатур, комических перебранок и др.) «шлифуются» механизмы их создания, а сам процесс языковой игры доставляет индивидам удовольствие.

Посредством *дидактической функции* фольклор косвенным образом приобщает молодых индивидов к правилам и установлениям, действующими внутри группы, знакомит с вариантами одобряемого или порицаемого сообществом поведения и т.д.

Через фольклорные произведения осуществляется взаимодействие между молодыми горожанами, что позволяет говорить о наличии у фольклора *коммуникативной функции*. На сегодняшний день эта функция чрезвычайно сильна у существующих в публичном пространстве официальных и неофициальных текстов (граффити), инициирующих процесс асинхронной коммуникации между пишущим текст и тем, к кому он потенциально обращен.

Информативная функция является доминирующей в таких слабоструктурированных жанрах молодежного фольклора, как слухи и сплетни, которые сопряжены с наличествующим недостатком актуальной информации и стремлением заполнить существующую информационную лакуну.

Обширным является пучок *социальных функций* фольклора современной городской молодежи. В соответствии с ней фольклор делает «прозрачной» структуру сообщества, в которое входит индивид, *маркируя социальные границы*, позволяя различать «своих» и «чужих», а также обозначая иерархию среди «своих». При контакте с «внешним миром» член сообщества посредством фольклора может открыто заявлять о собственном статусе, позиции и т.д., выступая либо от собственного лица, либо от лица группы (*функция социальной самопрезентации*). Маркируя границы сообществ фольклор одновременно с этим поддерживает их целостность, выполняя *интегративную функцию*. Иерархия внутри молодежных сообществ, разворачивающаяся одновременно в двух плоскостях – времени пребывания в группе («новички» – «старожилы») и степени вовлеченности в жизнь сообщества, подкрепляется средствами фольклора, который обволакивает ситуации перехода от одного звена иерархии к другому, выполняя тем самым

инициационную функцию. Вместе фольклор современной городской молодежи обеспечивает *функцию социального контроля (нормативную)*, управляя человеческим поведением, «программируя» действия индивидов (С.Б. Адоньева).

Магическая функция в фольклоре городской молодежи получает актуализацию вследствие усталости человека от непрозрачности причинно-следственных связей в повседневной жизни («выявляются» через приметы и суеверия), необходимости прикладывать значительные усилия для достижения цели, иногда так и остающейся недостигнутой (упростить данный процесс призвано загадывание желаний, рассылка «писем счастья»).

Эстетическая функция связана с созданием художественной образности в фольклорном произведении, с вынесением в его адрес вкусового суждения.

Аксиологическая функция фольклора городской молодежи выступает в качестве связующего звена, скрепляющего функциональную структуру и «врастающую» одной своей стороной в мир культуры. Аксиологическая функция разворачивает систему пространственно-временных координат, в которых с ее помощью происходит фиксация отношения молодежи к окружающему миру, к другим людям, к самим себе. В этом отношении *молодежный фольклор выступает как обширная смыслопорождающая и смыслотранслирующая система*, где ценности опредмечиваются, публично манифестируются, сталкиваются в противоборстве, принимаются или, напротив, не принимаются, подвергаясь осмеянию.

Фольклор и шире – фольклорная (народная) культура – не является единственной сферой, направленной на удовлетворение широчайшего спектра потребностей молодого горожанина. Фольклорная культура «делит» свои функции с массовой культурой, а функциональный сбой в одном из сегментов закономерно ведет к наращиванию компенсаторных мощностей в другом.

Вторая глава – «Мир ценностей молодых горожан: опыт реконструкции в пространственно-временной системе координат» – состоит из трех параграфов.

§ 2.1 «Аксиология урбанистического пространства в фольклоре современной городской молодежи».

Логика параграфа строится как движение от общего к частному, в соответствии с чем в тексте первоначально анализируется целостное восприятие молодежью урбанистического пространства на примере таких городов как Москва и Санкт-Петербург.

Анализ фольклорных материалов показывает, что уроженцы Москвы и Санкт-Петербурга чаще всего *относятся положительно к родному городу*. Образ города формируется как совокупность репрезентирующих его знаковых объектов, а также клишированных представлений о «своих» пейзажах, «своей» истории, качествах жителей и т.д. На основании данных представлений Санкт-Петербург и Москва подвергаются постоянному сравнению, а наиболее частым сценарием в дискуссиях является

«верификация» или «фальсификация» устойчивых клише. Подчеркивается, что молодежи свойственно стремление утвердить превосходство «своего» города над «конкурентом» в борьбе за столичность.

Несмотря на миграцию молодежи в мегаполисы, положительное отношение сохраняется и по отношению к родному провинциальному городу как *любовь на расстоянии*. *Провинциальность в сознании молодежи – не географическая, а культурная характеристика под которой понимается болезненное переживание изолированности от ритмов западного мира, ущемленности в доступе к социальным и культурным ресурсам.*

Фиксируется формирование *бицентричной* или *мультицентричной территориальной идентичности*, иногда переходящей в *атопию*, что свойственной той части молодежи, которая обладает запасом мобильности и средствами для перемещения в географическом пространстве.

Отмечается, что важную роль в процессе освоения урбанистического пространства играют создание сети неофициальных микротопонимов, написание граффити, конструирование альтернативной, смеховой карты городских достопримечательностей, посредством такого жанра, как курьез.

Фольклорные материалы позволяют выделить в урбанистическом пространстве места, имеющие статусы святых («места силы») и нечистых («страшных»), связанных с *социальной* (больницы, тюрьмы) или *биологической* (кладбища) *эксклюзией* индивида. *Традиционный механизм избегания «страшных» мест не всегда срабатывает в среде современной городской молодежи.* Восприятие молодежью объектов, маркирующихся в качестве опасных, в условиях современного крупного города может изменяться с отрицательного на положительное.

Режим посещения «мест силы» в молодежной среде носит либо кризисный, либо игровой характер. «Смещение» объектов, выступающих в качестве святых, свидетельствует о мировоззренческой неопределенности молодых людей. Они свободно совмещают языческое (мифологическое) и христианское (религиозное), «перебирают» наиболее адекватные их внутреннему состоянию и духовным запросам идеи и концепции. Соприкосновение с «местом силы» нередко используется молодыми людьми как средство достижения конкретных, практически значимых результатов.

В молодежной среде получает распространение фольклорный концепт «верю» без конкретизации о какой вере и вере во что идет речь. Предполагается, что среди молодых горожан происходит становление нового типа верующего – ищущего, толерантного, индивидуализированного, нередко мифологизирующего религию и в какой-то степени внеконфессионального, «условно православного».

Центр индивидуального освоения урбанистического пространства редко совпадает с центром его исторического освоения: для молодежи такой точкой оказывается «своя комната», дом. Дом выступает как место локализации и манифестации единства семьи.

За определенными местами городского пространства закрепляются специфические фольклорные персонажи (гопник, бабка). Гопник –

конструируемый молодежью синтетический образ врага, концентрирующий отвергаемые большинством черты и характеристики. Отталкивание от этого образа является утверждением собственной инаковости, «продвинутости», успешности.

В молодежном фольклоре прослеживается четкая градация ценностного отношения к людям пожилого возраста, среди которых выделяют «бабушек», «пожилых дам» и «бабок».

Образ «бабушки» – положительный; под «бабушкой» может пониматься как член семьи, так и незнакомая пожилая женщина, проявившая *эмпатию* и *понимание* по отношению к молодым в конкретной ситуации. «Пожилая дама» – образ классного руководителя или учителя литературы и русского языка, обладающий аксиологической амбивалентностью. Он складывается как из преклонения перед профессиональными и личными качествами учителя, проявления глубокого уважения, так и из ироничных или даже уничижительных оценок. «Бабка» – образ в молодежном фольклоре исключительно отрицательный, фиксирующий неприятие молодым поколением *хамства*, а также *любых проявлений прямого социализирующего воздействия*.

Пространство крупного российского города в его ценностном восприятии молодежью оказывается гетерогенным и густо населенным различными фольклорными персонажами. Неоднородность урбанистического пространства выражается в формировании развернутой системы *топофилии* и *топофобии*, которая не будет одинаковой для различных социально-демографических групп, населяющих крупный город.

Фольклорные материалы позволяют наблюдать, как происходит интериоризация культурного текста города (его пространственной составляющей) современной молодежью. В какой бы среде не находился индивид, городской или деревенской, у него существует объективная потребность превращения пространства из неопределенного и хаотичного в упорядоченное и определенное, которая во многом получает свое воплощение средствами фольклора. *Фольклор оберегает человека от хаоса, разлада, гармонизирует его повседневное существование.*

§ 2.2 «Аксиология времени в фольклоре современной городской молодежи».

Семья для молодежи выступает как точка на временной оси, из которой в одну сторону разворачивается вектор исторической памяти, осмысления семейного прошлого, а в другую – вектор осмысления и предвосхищения будущего.

В мировоззрении молодых горожан все больший удельный вес получает «идея семейная» – ценность родства, взаимозависимости, взаимосвязи, выступающая как один из стабилизаторов повседневной жизни. Наблюдается изменение в положительную сторону отношения молодежи к историко-генеалогическому знанию. Прослеживаются трансформации содержательного наполнения понятия «семья» для молодежи: во-первых, *домашние животные* характеризуются как члены семьи и *активно*

«социализируются» человеком; во-вторых, наблюдается снижение значения формальных систем родства, вытесняемых практиками его конструирования.

Отмечается, что такая ценность как любовь продолжает центрировать мировоззрение городской молодежи. В фольклорных материалах любовь предстает как свободное, амбивалентное чувство, в равной степени способное принести как счастье, так и несчастье, хотя даже переживание последнего выступает как признак проживания подлинной жизни.

В урбанистической среде трансформируется естественный суточный цикл: город сопротивляется сну через формирование «идеологии ночной жизни». В качестве домашнего пространства, свободного ночью ото сна, устойчиво фигурирует кухня – элемент городской квартиры, превратившийся для молодежи в одно из важнейших помещений, где реализуются практики дружбы. Молодые горожане противятся погружению в «нулевое» время сна, предпочитая преобразовывать ночь в положительно плодотворное, «насыщенное» время. Подчеркивается, что ночь может восприниматься молодыми в различных аспектах: гедонистическом, мистическом, творческом, эстетическом.

Представления о ночи в молодежной среде устойчиво насыщаются коннотациями эротического характера. Эрос при этом обретает самостоятельную ценность, не сводящуюся к продолжению рода (С.И. Голод), что обуславливает изменение моделей поведения молодежи.

В недельном цикле активности молодых людей смыслообразующей точкой является пятница как переход от будней к выходным, от повседневности к празднику, с которой начинается неофициальный отсчет «подлинного» времени. Наблюдается противопоставление «пустого» в событийном отношении времени (учебного, рабочего), которое необходимо отбыть, времени «насыщенному», которое необходимо прожить.

В осмыслении молодыми горожанами времен года отмечается их приблизительная равноценность, хотя в «привилегированном» положении оказываются лето и зима из-за активной эксплуатации этих сезонов индустрией массовой культуры.

Отмечается, что *массовая культура стремится сегментировать городское время не на будни и праздники, а на микро- и макропраздники.* Вследствие этого наблюдается разрыв прежних связей между понятиями «работа», «труд», «отдых». *Массовая культура убеждает молодежь, что качество проживаемой жизни определяется не тем, как человек трудится, но тем, как он отдыхает,* а потому тема труда как такового в фольклоре молодежи просматривается гораздо слабее, нежели тема досуга.

Каждодневное празднование, пропагандируемое массовой культурой, задает дисбаланс между праздником и событием как его смыслообразующим ядром: мельчают события, мельчает и праздник. Массовая культура делает время нерегламентированным с позиции чередования будней и праздников, превращая городскую культуру в «хронохаотичную».

Рассматривается отношение молодежи к потреблению алкогольной продукции как элемента праздничного времяпрепровождения. Отмечается, что молодые горожане положительно оценивают употребление алкогольных напитков и отрицательно – зависимость от них. Потребление алкогольной, а также табачной продукции мыслится молодежью как нейтральные и сугубо инструментальные практики.

Особой ценностью у современной молодежи становится период детства. Ведущую роль в ностальгических воспоминаниях играет *восторженный «вещизм»*, касающийся первых опытов потребления зарубежной продукции.

Обращение к гетеротемпоральной временной аксиологии («тогда – сейчас») опровергает стереотипные представления об отсутствии интереса молодежи к истории и судьбе родной страны. Парадокс заключается в том, что живо интересующаяся прошлым, настоящим и будущим России молодежь дистанцируется от непосредственного участия в решении общественных проблем, проявляя активность по большей части в сфере порождения текстов и графических изображений.

В выводах параграфа резюмируется, что многосоставность ценностного отношения ко времени обуславливает существование различных видов аксиологии времени в молодежной среде (повседневно-бытовой, гетеротемпоральной и др.), а также специфику их содержания.

§ 2.3 «Культура для молодых» и фольклорная культура городской молодежи: аспекты соотношения и взаимовлияния в контексте аксиологической проблематики».

В параграфе подчеркивается, что фольклор городской молодежи в значительной мере представляет собой реакцию на потребление «культуры для молодых». Подлинная жизнь продукции массовой культуры начинается в восприятии потребителями. Происходит становление *человека-«просьюмера»*, потребителя (консьюмера) и творца (продюсера) одновременно, который не только поглощает предлагаемый ему товар, но и «достраивает» его сеткой смыслов и значений.

На примерах анализа «формата» радиостанций и досуговых заведений (кофейен и ди-джей баров), а также телесериальной продукции обосновывается положение, что в основе «культуры для молодых» заложены определенные аксиологические характеристики и главная задача ее производителей – попасть в такт с ценностями той или иной группы молодежи. В параграфе доказывается, что сопротивление мейнстриму, гламуру, распространенное в молодежной среде, может осуществляться как средствами фольклорной, так и массовой культуры, собственными средствами формирующей специфическую трэш-эстетику.

Комплекс ценностей, объективированных в продукции культуры для молодых, верно подобранный и созвучный ценностям определенной группы городской молодежи, создает благоприятные условия для устойчивой *позитивной фольклоризации* какого-либо явления, в то время как аксиологический диссонанс с предполагаемым кругом потребителей рождает неприятие, которое находит свое выражение через *негативную*

фольклоризацию. Позитивная и негативная фольклоризация – частные случаи сакрализации и осмеяния, способы эмоционального закрепления в молодежной среде предложенной ценности или же, напротив, ее отторжения посредством аксиологического снижения.

В контексте высокой ценности «паблисити» для городской молодежи отдельно рассматривается позитивная и негативная фольклоризация «медийных персонажей» (образов современных знаменитостей, создаваемых и транслируемых посредством СМИ). Негативная фольклоризация трактуется как стремление молодежи нейтрализовать двойников-копий «звезды», «обитающих» на афишах и плакатах, страницах газет и журналов, смотрящих на зрителя с экранов телевизоров и мониторов, посредством их уничтожения или дискредитации сниженными образами. Позитивная фольклоризация понимается как овладение частицей популярности «персонажа», перенос его характеристик индивидом на себя.

Отмечается, что российская молодежь, проживающая в крупных городах – не конформисты и не «молчаливое большинство», но ее сопротивление отторгаемым образцам, навязываемым извне, в целом носит пассивный характер. Главным является не действие, а выражение своего мнения. Анализ фольклора молодежи показывает, что она достаточно чутко относится к проявлениям фальши, безвкусицы, пошлости, хамства, противопоставляя им, однако, аналогичные средства: на пошлость реагируя пошлостью, на безвкусицу – еще большим дурновкусием.

В параграфе особо подчеркивается, что фольклорная культура и массовая культура являются сообщающимися сосудами, функционируя согласно принципам *взаимодополнительности, взаимной балансировки*. Отмечается, что если в позднесоветский период фольклорная культура стремилась дистанцироваться от массовой культуры («эскапизм»), сопротивлялась ей, предлагая индивидам набор компенсаторно-адаптационных механизмов, иные ценностные основания жизни, то современная фольклорная культура прорастает на основе культуры массовой, образуя с ней симбиоз.

В **Заключении** подводятся основные итоги и формулируются обобщающие выводы предпринятого исследования. Отмечается, что доминирующая в изучении городского фольклора описательная модель должна быть дополнена теорией фольклора как сегмента культуры, создаваемой средствами культурологии. Подчеркивается значение фольклористики в исследовании культурного ландшафта города, как науки, способной описывать и интерпретировать *аутентичный* вербальный материал, в котором зафиксированы пространственные, временные, звуковые, цветовые, ольфакторные характеристики города в его восприятии различными социально-демографическими группами.

В мире ценностей городской молодежи зафиксировано действие двух генерализующих тенденций. С одной стороны, массовая культура прививает молодым *ценности дифференциации* (культивирования собственной инаковости, модности, продвинутости, индивидуализации и т.д.), с другой

стороны, этот процесс уравнивается активным «плетением» молодыми людьми устойчивых сетей социального взаимодействия (семья, друзья, любимый человек, «своя» тусовка, наставник и т.д.), высоким удельным весом *ценностей интеграции* в культуре фольклорной.

В ситуации устранения и самоустранения большинства социокультурных институтов от решения насущных проблем, возникающих перед молодыми, *интеграционные процессы в молодежной среде протекают стихийно, разнонаправлено и бесконтрольно*, порой принимая причудливые и даже уродливые формы. Разнонаправленность и труднопредсказуемость собственных поисков молодежи задает почву для возникновения нестабильности в процессах социокультурного развития государства.

Назрела острая необходимость не в «исправлении» тех или иных ценностей молодежи, но в создании многоступенчатой системы, нацеленной на формирование у молодых горожан *навыков навигации в современном социокультурном пространстве*, усиления и реактуализации официально санкционированных каналов, обеспечивающих позитивную интеграцию в молодежной среде.

Список публикаций по теме диссертации

1. Тихомиров С.А. Способы бытования современного вербального городского фольклора // Методология культурологического исследования (Культурологические исследования '06): Сборник научных трудов. – СПб.: Астерион, 2006. С. 76–81. (0,4 п.л.);

2. Тихомиров С.А. Вербальный фольклор современной городской молодежи: опыт выделения стабильных функций // Образ России в современном мире (Культурологические исследования '07): Сборник научных трудов. – СПб.: Астерион, 2007. С. 23–27. (0,3 п.л.);

3. Тихомиров С.А. Современный городской фольклор и массовая культура: аспекты взаимовлияния (на примере прессы, кино и телевидения) // Образ России в современном мире (Культурологические исследования '07): Сборник научных трудов. – СПб.: Астерион, 2007. С. 110–116. (0,4 п.л.);

4. Тихомиров С.А. К вопросу о становлении сетевого способа бытования городского фольклора // Вопросы культурологии: Научно-практический и методический журнал. – 2008. – № 10. С. 63–65. (0,4 п.л.);

5. Тихомиров С.А. Молодежная субкультура и «субкультурная молодежь» в современном российском обществе // Вестник Герценовского университета: Информационно-аналитический научно-образовательный журнал. – 2009 (март). – № 3(65). С. 58–61. (0,3 п.л.);

6. Тихомиров С.А. Негативная фольклоризация как стратегия сопротивления массовой культуре (на примере фольклора современной городской молодежи) // Молодежь и наука: реальность и будущее: Материалы II Международной научно-практической конференции (г. Невинномысск, 3 марта 2009): в 9 томах. Том III: История. Политология. Социология. Философия. – Невинномысск: НИЭУП, 2009 (март). С. 360–362. (0,3 п.л.)

Подписано в печать 15.09.2009 г. Формат бумаги 60×84 1\16
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 1,5 усл. печ. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 202.

Типография РГПУ им. А.И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48